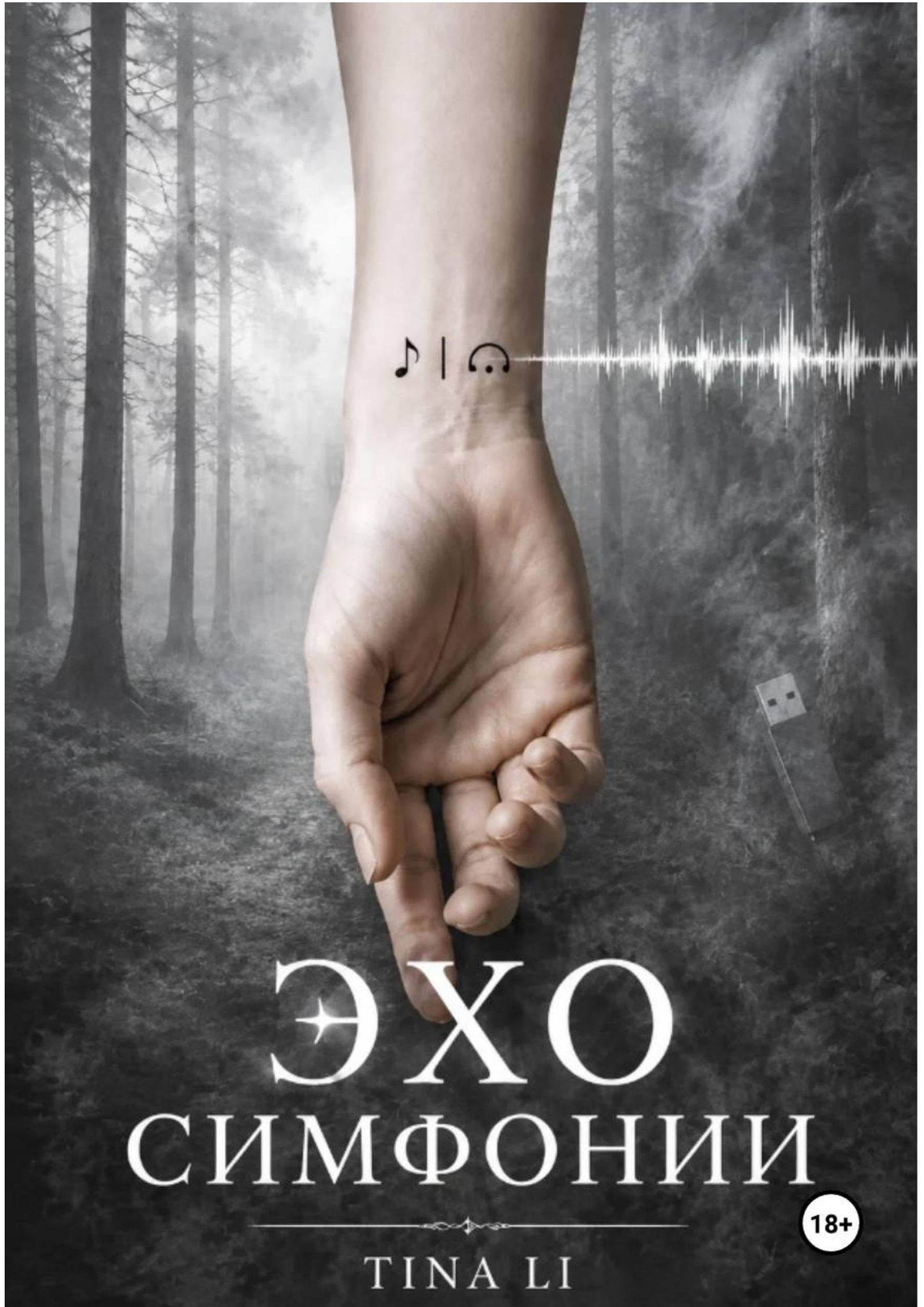

ЭХО СИМФОНИИ

TINA LI

18+

Tina Li

Эхо Симфонии

«Автор»

2026

Li T.

Эхо Симфонии / Т. Li — «Автор», 2026

Дарья выжила. После встречи с Архитектором, после его стола, после его тишины она почти поверила, что кошмар закончился. Но эхо смерти не умирает — оно меняет форму. Новый убийца не забирает глаза. Он записывает последние вздохи своих жертв, превращая агонию в симфонию. А её имя — последняя строка в его списке. Кирилл Вольнов, следователь, который должен её защищать, сам оказывается на грани. Чем ближе они к разгадке, тем дальше друг от друга. Когда ловушка захлопывается, становится ясно: Композитор не просто играет с ними — он пишет финал, где главная нота — её Эхо. «Эхо Симфонии» — продолжение «Эхо Смерти». Вторая книга цикла о даре, который не спрашивает разрешения. О музыке, которую невозможно остановить. О тишине, которая дороже любых слов. Внимание: книга содержит любовную линию, но не является классическим любовным романом. Финал открытый, без привычного «долго и счастливо». Тональность — мрачная, напряжённая.

© Li T., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эхо Симфонии

Глава 1

Я проснулся от тишины.

Не той, гулкой и пустой, что годами встречала меня в собственной квартире. Не той, напряжённой и боевой, что висела над оперативной базой перед штурмом. И не той, сбивчивой и тревожной, что наполняла больничную палату, где я дежурил возле её кровати.

Эта тишина была иной. Живой. Она дышала.

Я лежал на боку, чувствуя под щекой край подушки, пропахший дешёвым порошком — её порошком. Моя рука, тяжёлая и онемевшая, обнимала женскую талию через тонкую ткань футболки. Дарья спала, прижавшись спиной к моей груди, её дыхание было ровным и глубоким, без тех сбивчивых, тревожных нот, что преследовали её первые недели после лаборатории Архитектора.

Я не шевелился. Не потому, что боялся разбудить. Я изучал.

Это была привычка, въевшаяся глубже, чем инстинкты. Сканировать окружение при пробуждении. Оценивать угрозы. Фиксировать аномалии.

Аномалий было три.

Первая — я здесь. Не на базе, не в своей квартире, не на задании. В чужой постели, в чужой квартире, в чужом — не моём — районе города. Моя машина стоит во дворе, открытая, без охраны, с незаблокированным GPS. Это нарушало все протоколы безопасности, которые я выстраивал десятилетиями.

Вторая — время. Я проспал почти шесть часов. Не сон в машине между точками, не короткая дрема на жёстком армейском топчане, а глубокий, беспмятный провал. Мои внутренние часы, никогда не подводившие, не зафиксировали ни одного цикла. Я просто... отключился. Как выключенный прибор.

Третья — и самая главная — рука, лежащая на талии Дарьи, не была элементом тактики. Я не прикрывал её от возможного выстрела из окна. Не контролировал пульс на случай приступа. Я просто... держал. Потому что хотел держать. Потому что тепло её тела через ткань было единственным, что имело значение в этот момент.

Первый раз, когда я коснулся её по-настоящему, был не в постели. Это было в лаборатории Архитектора, когда я выносил её на руках, холодную, почти мёртвую, боясь, что она не дышит. А потом — на базе, когда я сидел у её кровати, сжимая её пальцы, и считал вдохи. Запрещал себе думать о том, что эти пальцы — тёплые, живые, настоящие — мне, возможно, больше никогда не придётся держать.

А потом был первый раз по-настоящему.

Я хотел отказать. Найти причину. Сослаться на протокол, на разницу в возрасте, на то, что она ещё не восстановилась, на то, что я — неправильный для неё. Слишком старый. Слишком сломанный. Слишком пустой внутри, чтобы дать ей то, что она заслуживает.

Но она смотрела на меня так, что все эти доводы рассыпались, как карточный домик.

Первый раз был неловким. Я помнил каждый миг.

Она дрожала — не от холода. Я спросил, уверена ли она. Она кивнула, но в глазах плескался испуг. Я знал, что у неё никого не было до меня. Дарья не говорила об этом, но я чувствовал — по её неуверенным движениям, по тому, как она замирала от каждого моего прикосновения, по тому, как доверчиво сжимала мою руку, когда я медлил, давая ей время.

Я был её первым мужчиной.

Не любовником — она бы не согласилась на это слово. Не партнёром — слишком холодно, слишком казённо. Я был тем, кому она доверила свою неопытность, свой страх, свою

боль. И я понял вдруг, с чудовищной отчётливостью, что это доверие тяжелее любого приказа, любой боевой задачи.

Той ночью я был осторожен, как сапёр на минном поле. Каждое движение — медленное, каждое прикосновение — вопрос. Она отвечала — не словами, а вздохами, тем, как её пальцы впивались в мои плечи, как её дыхание сбивалось где-то у моего уха.

После — мы лежали в темноте, и она уткнулась носом в мою шею, и я чувствовал, как её ресницы щекочут кожу.

В воздухе витало тысячу вопросов. Но никто из нас не решился нарушить то, что мы едва успели построить.

Дарья пошевелилась во сне, выдёргивая меня из воспоминаний. Её рука, лежавшая поверх одеяла, накрыла мою — ту, что обнимала её талию. Во сне. Инстинктивно. Её пальцы сомкнулись на моих, прохладные и тонкие, и сжали.

Ледяной, предательский комок поднялся к горлу и застрял.

Я смотрел на её спокойное, расслабленное лицо. На губы, чуть приоткрытые. На ресницы, отбрасывающие тени на бледную кожу. Она была красивой. Не той броской, кричащей красотой, которую замечают все. А той — тихой, уязвимой, которую видишь только ты, когда смотришь на спящего человека, и сердце болит от осознания, что этот человек — с тобой. Добровольно. Зная, кто ты. Зная, что ты сделал.

Зная, что ты использовал её как приманку. Как инструмент. Как ключ к разгадке чужой смерти.

И всё равно — здесь. В моей постели. Или в своей — какая разница, когда вы вместе.

Я не заслуживал этого. Она знала. Но выбирала — каждый день, каждую минуту — оставаться. И это было страшнее, чем любое недоверие. Потому что её сознательный выбор оставлял меня беззащитным. Без возможности свалить всё на обстоятельства, на долг, на приказ.

Я был с ней. Потому что хотел. Она была со мной. Потому что хотела.

И это разрушало мою броню быстрее, чем любая атака.

Разница в возрасте. Десять лет.

Она никогда не говорила об этом. Никогда не спрашивала, не боюсь ли я, что однажды она проснётся и поймёт — ей нужен кто-то моложе. Кто-то, кто умеет смеяться над глупыми шутками, кто танцует на кухне, кто не приносит домой запах смерти и пороха.

Васька спал в ногах, свернувшись рыжим клубком, и только хвост иногда дёргался во сне. Я даже привык к этому. К тому, что в моей постели — кот. К тому, что моя подушка пахнет чужим порошком. К тому, что я просыпаюсь не от будильника, а от тишины.

Иногда, глядя на неё, я чувствовал себя старым. Не физически. Душевно. Я прошёл через такое, что ей даже не снилось — и, слава богу, не снилось. Я видел, как рушатся люди, как идеи превращаются в безумие, как самые светлые намерения ведут к самым тёмным поступкам.

А она... она была чистой. Даже после всего, через что прошла. Даже с её даром, который заставлял её чувствовать чужую боль, как свою. Она умудрилась сохранить что-то внутри, что я потерял навсегда. Способность удивляться. Способность верить. Способность прощать.

Особенно — прощать.

Меня.

Она никогда не упрекала. Никогда не говорила: *«Ты послал меня туда»*. *«Ты знал, что я не выдержу МРТ»*. *«Ты использовал мою травму, чтобы обмануть Архитектора»*. Она просто молчала. Или говорила: *«Это было нужно»*. А потом гладила кота и смотрела в окно, и я никогда не знал, что она там видит — серый двор или ту самую лабораторию с банками.

Я боялся этого её молчания больше, чем истерики. Потому что истерику можно остановить. Можно успокоить. Можно забыть. А молчаливое принятие — оно въедается под кожу. Ты знаешь, что она помнит. Ты знаешь, что она не простила. Просто... приняла. Как данность. Как часть тебя, которую нельзя вырезать, не убив.

Я не знал, когда это началось. Не мог определить точку невозврата. Разум, привыкший раскладывать всё по полочкам, фиксировать даты, время, детали, здесь был бесполезен. Это не было похоже на операцию с чёткими фазами. Это было похоже на... дрейф. Медленный, неконтролируемый дрейф от берега, который я считал единственно возможной твёрдой землёй, в открытое море, где не было карт.

Первые признаки, если честно, я пропустил. Я оператор. Я должен был видеть сигналы. Контролировать параметры.

Но с ней контроль был иллюзией с самого начала.

Я вспомнил тот первый день в приёмной моего отдела. Она стояла на пороге, бледная, дрожащая, с огромными глазами, полными ужаса и... чего-то ещё. Любопытства. Вызова. Она смотрела на меня так, будто видела не «человека-пустоту», как называли меня в управлении за глаза, а что-то иное. Что-то, что сама искала.

Я тогда не понял. Я видел инструмент. Уникальный, потенциально ценный, но инструмент. Ресурс для решения конкретной задачи. Архитектор был угрозой, которую обычные методы не брали. А она — я это чувствовал даже тогда, холодным аналитическим чутьём — была ключом. Живым детектором, способным улавливать эхо там, где улики молчали.

Я использовал её. Хладнокровно, методично. Я водил её по архивам, заставлял смотреть на фотографии убитых, погружаться в их последние мгновения, потому что это было эффективно. Я видел, как она ломается, как её дар разъедает её изнутри, и я... я не останавливался. Я требовал большего. Потому что цель оправдывала средства. Всегда оправдывала.

Так меня учили. Так я жил.

Я не заслуживал этого. Не заслуживал её доверия, её присутствия, этого утреннего тепла под одеялом.

Инструмент. Я называл её инструментом. Вслух. В своих отчётах. В голове.

А теперь лежал в её постели, с её котом, спящим в ногах, и чувствовал, как что-то внутри, годами закованное в сталь и бетон, даёт трещину. Не от любви — это слово было слишком громким, слишком человеческим для меня. От... признания. Признания того, что она стала точкой, вокруг которой вращалось всё остальное. Не целью, не задачей, не миссией. А просто... необходимостью. Как воздух. Как тишина.

Но не та тишина, которую я создавал вокруг себя годами тренировок и подавления. А та, что рождалась между нами. Её хаос, её шум, её боль, её страх — всё это резонировало с моей пустотой, создавая нечто третье. Что-то, что не имело названия в моих учебниках и не поддавалось анализу.

Она вздохнула во сне, и я почувствовал, как её тело расслабляется ещё больше, доверяясь мне без отчётов и протоколов. И понял, что никакой академический курс не подготовил бы меня к этому.

Никакой учебник. Никакая операция. Никакая пустота.

Только она. Только мы. Только эта тишина.

Я осторожно, миллиметр за миллиметром, высвободил руку из-под её пальцев, скатился с кровати, стараясь не скрипеть пружинами. Мои ноги коснулись холодного пола. На комод, в аккуратной стопке, лежали мои вещи — куртка, футболка, тактические брюки. Кобура с пистолетом — рядом. Я надел штаны, вышел на кухню, закрыв за собой дверь спальни.

Здесь было темно и тихо. Только холодильник гудел в углу. Я открыл кран, набрал в ладони ледяной воды, плеснул в лицо. Посмотрел на себя в тусклое, заляпанное зеркало.

В отражении был незнакомец. Усталый, с пробивающейся сединой в коротких тёмных волосах, с мешками под глазами, которые не скрывал даже недельный отпуск. Его глаза — мои глаза — смотрели пусто. Но пустота эта была иной. Раньше в ней не было ничего. Абсолютный ноль. Теперь в ней отражалось... что-то. Тень присутствия. Отпечаток.

Я провёл ладонью по лицу, стирая воду.

В кармане брюк завибрировал служебный телефон. Экран высветил имя: Громов. Время — 6:47 утра. Не звонят в такое время просто так.

— Вольнов, — ответил я, отходя к окну и понижая голос.

— Есть проблема, — голос Громова был ровным, но под ним чувствовалось напряжение.

— Говори.

— Труп. Мужчина. Найден час назад на территории заброшенного завода в промзоне «Южная». Состояние... странное. Ни крови, ни следов насилия. Но... у него нет глаз. Удалены после смерти, чисто, аккуратно. Как...

Он замолчал.

— Как у Архитектора, — закончил я за него.

По спине пробежал холод, не имеющий ничего общего с утренней прохладой.

— Местные уже подняли шум?

— Пока нет. Случайный прохожий вызвал полицию. Участковый не в своей тарелке. Хотят передавать в Главк, но я уговорил придержать на пару часов. — Он сделал паузу. — Кирилл, там ещё кое-что. Странное.

— Что именно?

— На руке жертвы — татуировка. Но не цифры и не буквы. Я такого не видел. — Громов помолчал, будто подбирая слова. — Похоже на... музыкальные знаки. Ноты. И ещё какой-то символ.

Я замер.

— Музыкальные знаки?

— Да. Я скину фото. Посмотри сам.

Телефон коротко вибрировал — пришло сообщение. Я открыл, увеличил изображение.

Татуировка была свежей, линии — тонкими, аккуратными, выведенными с почти хирургической точностью. Четвертная нота. Римская единица. И третий знак — дуга над точкой. Я не сразу узнал его.

— Кирилл? — Громов нарушил тишину. — Ты что-то понял?

— Пока нет, — ответил я, не отрывая взгляда от экрана. — Но это не случайный набор символов. Он хотел, чтобы мы это нашли.

— Откуда уверенность?

— Слишком чисто. Слишком аккуратно. Это не татуировка в подворотне — это работа мастера. Или... послание.

Я смотрел на фото и пытался сопоставить с тем, что знал об Архитекторе. Тот помечал банки — цифры, даты, шифр. Но никогда — тела.

А здесь — тело. И музыка.

— Пришли координаты, — сказал я. — Я буду через час.

— И, Громов... — я сделал паузу, — татуировку — в приоритет. Пусть эксперты посмотрят. Может, найдут совпадения по базам.

— Понял. Ждём.

Он отключился. Я стоял у окна, глядя на фото. Четвертная нота. Единица. Фермата — я наконец вспомнил название знака. Знак остановки, задержки.

« ♪ — 1 — ## ».

Первая нота. Пауза.

Что это значило? Начало? Конец? Или — приглашение?

Новая угроза. Старый почерк. Или чья-то жестокая насмешка.

Я не знал, что это. Но знал одно: тишина, которую я нашёл в этой квартире, была иллюзией. Её нельзя было сохранить. Не тогда, когда в промзоне лежит тело, маркированное так, как мог сделать только один человек. Или тот, кто хочет, чтобы мы так думали. Человек, кото-

рый сидел в белой комнате под круглосуточным наблюдением и, по всем отчётам, не имел контактов с внешним миром уже три месяца.

Я вернулся в спальню. Дарья спала на боку, её лицо было спокойным, почти безмятежным.

И я собирался это разрушить.

Не сегодня. Сейчас я уйду тихо. Скажу, что вызов. Не вдаваясь в детали. Она поймёт — она всегда понимала больше, чем следовало. Но рано или поздно правда выплывет. И тогда мне придётся выбирать: держать её в стороне, защищать, как я должен был с самого начала, или снова втянуть в кошмар, из которого мы едва выбрались.

Телефон снова завибрировал — Громов прислал координаты. Я открыл сообщение, стоя в дверях спальни, прикрывая экран ладонью, чтобы свет не упал на её лицо.

Я убрал телефон, надел куртку, проверил оружие. Подошёл к кровати. Наклонился, поцеловал её в висок — легко, почти невесомо. Она не проснулась, но улыбнулась во сне.

Это была ошибка. Я знал это. Каждая секунда, проведённая рядом с ней, делала нас обоих уязвимее. Но я не мог остановиться. И, возможно, не хотел.

— Прости, — прошептал я в её волосы. — Я вернусь.

Кот проводил меня до двери немигающим взглядом. Я вышел в подъезд, спустился по лестнице, сел в машину.

Двигатель ожил с глухим рыком. Я вбил координаты в навигатор, но прежде чем выехать со двора, снова достал телефон, открыл фото.

«♪ — 1 — ##».

Первая нота. Пауза.

Я не знал, что это значит. Но внутри, где-то глубоко, шевельнулось холодное, липкое предчувствие.

Это только начало.

Глава 2

Промзона «Южная» встретила меня запахом ржавчины, сырости и смерти. Громов ждал у ворот, в тёмной куртке с поднятым воротником, его дыхание стелилось белым паром в утреннем морозе.

— Внутри, — сказал он вместо приветствия, кивая в сторону разбитого ангара. — Местные уехали, я попросил. Сказал, что подключаемся в рамках отработки старого дела.

— Поверили?

— У участкового глаз дёргался, но спорить не стал. — Он пошёл рядом, поскрипывая ботинками по битому стеклу. — Кирилл, это... это не Архитектор?

— Не знаю, — честно ответил я. — Но почерк... слишком похож, чтобы быть совпадением.

Ангар был огромным, тёмным, с дырявой крышей, сквозь которую пробивался сизый рассветный свет. В центре, под лучом, падающим из прорехи, лежало тело.

Я подошёл ближе, опустился на корточки. Мужчина, лет сорока пяти, худой, с серой, пергаментной кожей. Ни крови, ни ран. Только две аккуратные, тёмные впадины там, где должны быть глаза. Удалены чисто, почти хирургически. После смерти — судя по отсутствию крови.

— Экспертиза что говорит? — спросил я, не отрывая взгляда.

— Предварительно — смерть от остановки сердца. Причина не установлена. Ни ядов, ни травм. Как будто просто... перестал быть. — Громов стоял в двух шагах, засунув руки в карманы.

Я выпрямился, оглядывая ангар. Бетонные стены, ржавые балки под крышей, груды металлолома у стен. Никаких следов борьбы. Только тело в центре, в той же позе, что и у Архитектора, — руки сложены на груди, ноги вытянуты.

— Камеры?

— В промзоне — нет. Ближайшая — на въезде, в двух километрах. За последние сутки — три машины. Грузовики с товаром на соседний склад. И одна легковая — чёрная «Тойота», без номеров, около полуночи.

— Уехала?

— Да. На юг. Камеры дальше не засекли.

Я кивнул, переваривая информацию.

— Что по жертве? Личность установили?

— Сергей Викторович Туманов, сорок семь лет. Безработный. Последние три года числился как волонтер в городском хосписе. Не женат, детей нет. Судимостей нет.

Я снова посмотрел на тело. На пустые глазницы. На позу, которая кричала об Архитекторе.

— Это не он, — сказал я тихо.

— Откуда знаешь? — спросил Громов.

— Архитектор забирали глаза у тех, кто видел слишком много. Или у тех, кто мешал его тишине. У каждого была причина. Симметрия. А этот... — я кивнул на труп, — этот просто мертв.

— Дань уважения? — Громов хмыкнул.

— Или насмешка.

Я отошёл от тела и встал у стены, глядя на него со стороны. Сквозь дырявую крышу пробивался утренний свет, выхватывая из полумрака лицо жертвы. Без глаз оно казалось не страшным — пустым. Как будто кто-то стёр личность, оставив только оболочку.

— Он хотел, чтобы мы подумали на Архитектора, — сказал я. — Чтобы мы искали в старых делах, смотрели на старые точки. Чтобы мы связали это с ним.

— А это не так?

— Нет. Это начало отсчёта. — Я повернулся к Громову. — Следующая будет другой.

Он молчал, переваривая.

— Но если это не Архитектор... если у него есть подражатель, или сообщник, или кто-то, кто продолжает его дело... то мы в полной заднице. Потому что старые методы не работают. Работала только она.

Он кивнул в сторону города, туда, где осталась Дарья.

— Нет, — отрезал я. — Она вне игры.

— Кирилл...

— Я сказал — нет, — повторил я, и в моём голосе было столько стали, что Громов отступил на шаг. — Мы не втягиваем её обратно. Найдём другой способ.

Громов посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Потом покачал головой.

— Ты изменился, Вольнов, — тихо сказал он. — Раньше ты не колебался. Если ресурс был эффективен — ты его использовал. А теперь...

— А теперь я вижу цену, — закончил за него. — И платить её снова не готов.

Громов вздохнул, достал из кармана маленький прозрачный пакет. Внутри — чёрная флэшка с матовым корпусом.

— Тогда смотри, что нашли.

— Где?

— В углу ангара. Под грудой мусора. Не похоже на случайную потерю.

Я взял пакет, повертел в руках.

— Что на ней?

— Экспертиза пока молчит. Аудиофайл. Один. Шесть секунд.

— Шесть секунд — это много или мало?

— Это последний вздох Туманова, — ответил Громов. — Эксперты почти уверены. Но сравнивать не с чем — его голоса в базах нет. Ждали родственников.

Я сжал пакет в кулаке.

— Он записывает их. Не просто убивает — записывает.

— Похоже на то.

— А татуировка? — спросил я, возвращая пакет Громову. — Что с ней?

— Эксперты бьются. Говорят — нотные символы. Четвертная нота, римская единица, фермата. Но что это значит — не понимают. Может, музыкальное образование надо?

— Или доступ к тому, кто понимает этот язык, — сказал я.

— Ты про Архитектора?

— Он единственный, кто мыслит такими категориями. Символы, шифры, послания.

— Думаешь, он заговорит?

— Не знаю. — Я посмотрел на тело. — Но попытаться стоит.

— А флэшка? — спросил Громов. — Отдадим на расшифровку?

— Отдай. Но копию сделай. Мне нужно будет показать кое-кому.

— Дарье? — Громов поднял бровь.

— Нет, — соврал я. — Эксперту по аудио.

Громов не поверил. Я видел. Но спорить не стал.

— Как скажешь.

Я ещё раз посмотрел на тело, на пустые глазницы, на татуировку, которую уже видел на фото, но теперь мог разглядеть вживую.

«♪ — 1 — ##».

— Я съезжу к нему, — сказал я. — К Архитектору.

— Один?

— Один.

— Кирилл... — Громов хотел что-то добавить, но я перебил.

— Пришли мне всё, что есть по Туманову. Медицинская карта, хоспис, кто его навещал. И флэшку — копию.

— Понял.

Я вышел из ангара, сел в машину, закурил — хотя бросил уже давно, но пачка всегда была рядом. Сигарета горчила, но курить хотелось нестерпимо.

В голове прокручивались варианты. Без Дарьи мы слепы. С Дарьей — она снова в деле. Снова в опасности. Снова в кошмаре, из которого мы едва выбрались.

Архитектор сидит в изоляции, без связи с миром. Его подельников у нас нет — расследование не выявило ни одного сообщника. Но этот почерк... этот аккуратный, почти ритуальный порядок... он кричал об авторстве.

Или о гениальной подделке.

Промзона осталась позади, сменившись серыми спальными районами, пустыми в этот ранний час. Я вёл машину на автомате, погружённый в тяжёлые, вязкие мысли.

Архитектор не мог. Я лично проверял отчёты о его содержании, лично подписывал допуски. Три месяца абсолютной изоляции, без единого контакта с внешним миром. Три месяца белой комнаты, ровного света и бесконечных уравнений, которые он выводил на мнимой доске перед собой.

И всё равно — этот почерк. Эта мания порядка. Эта жуткая, почти благоговейная аккуратность. Кто-то либо очень точно копировал его стиль. Либо был им самим.

Я выругался сквозь зубы, сжал руль так, что костяшки побелели, и нажал на газ.

Изолятор, куда мы перевели Архитектора после дата-центра, находился в часе езды от города. Бывшая воинская часть, переоборудованная под спецблок для особо опасных, но не опасных в привычном смысле. Ни решёток на окнах — комнаты без окон. Ни автоматчиков в коридорах — только тишина и система видеонаблюдения, фиксирующая каждое его движение, каждый вздох.

Я въехал на территорию, предъявил пропуск, оставил машину на пустой стоянке. Меня провели внутрь — серые стены, глухие двери, запах хлорки и безысходности. Дежурный офицер, молодой, с вытянутым лицом, протянул мне журнал для отметки и сказал тихо:

— Он сегодня... странный.

— В каком смысле? — спросил я, ставя подпись.

— Обычно сидит на табурете, смотрит в стену. А сегодня... — офицер запнулся, подбирая слова, — сегодня он улыбался. Когда завтрак принесли, посмотрел на еду и улыбнулся. Как будто... ждал чего-то.

По спине снова пробежал холод.

— Дверь откройте, — сказал я. — Я зайду один.

Офицер хотел возразить — протокол требовал присутствия второго, — но я посмотрел на него так, что он проглотил слова и молча набрал код.

Дверь отъехала в сторону с тихим шипением.

Белая комната встретила меня ровным, безбликовым светом. Архитектор сидел на своём табурете — всё так же прямо, всё так же неподвижно — и смотрел на стену напротив. Но в этот раз на его губах действительно была улыбка. Тонкая, едва заметная, но совершенно отчётливая.

— Кирилл Александрович, — сказал он, не оборачиваясь. Его голос был сухим, ровным, как всегда. Но в нём появилась новая нота. Торжество. — Я ждал вас.

Я закрыл за собой дверь.

— Что вы знаете о теле в промзоне?

Он медленно, с той же пугающей грацией, повернул голову и посмотрел на меня. Его глаза за стёклами очков были ясными, спокойными. Ни тени безумия. Только холодное, всепонимающее знание.

— Какое тело? — спросил он, и его улыбка стала чуть шире. — Кирилл Александрович, я здесь. В этой комнате. Без связи с миром. Вы сами это организовали. Как я могу знать о каких-то телах?

Он лгал. Или нет? Я не мог отличить. С ним это было невозможно.

— Почерк ваш, — сказал я, не подходя ближе. — Стилль ваш. Кто это делает?

Архитектор посмотрел на свои руки, сложенные на коленях. Потом снова поднял взгляд на меня.

— Эксперимент не заканчивается, — тихо сказал он. — Он просто... переходит в другую фазу. У каждого явления есть период затухающих колебаний. Эхо. Вы ведь знаете, что такое эхо, Кирилл Александрович. Ваша Дарья... она эксперт по эху.

— Не смейте произносить её имя, — голос мой был тихим, но в нём было столько ярости, сколько я обычно прятал за семью замками.

Архитектор кивнул, принимая информацию.

— Как скажете. — Он повернулся обратно к стене. — Но эхо не умолкает по приказу. Оно живёт своей жизнью. Оно ищет себе подобных. И находит.

— Говорите прямо, — приказал я.

— Что тут прямо? — он пожал плечами — впервые за всё время его плечи дрогнули в этом живом, почти человеческом жесте. — Возможно, у меня есть ученики. Или последователи. Или просто люди, которые поняли мою идею и решили, что смогут воплотить её лучше. Чище. С более ярким... финалом.

Он замолчал.

Я стоял в белой комнате, смотрел на этого человека в серой робе, и чувствовал, как земля уходит из-под ног.

Он не врал. Я мог ошибаться в людях, но здесь, в этом стерильном пространстве, где даже ложь была бы слишком сложной структурой, он говорил правду. Не всю. Но правду.

— Если вы утаиваете информацию...

— Что вы сделаете? — он перебил меня, и в его голосе прозвучала усталая насмешка. — Посадите меня в другую белую комнату? Уже есть. Отключите от внешнего мира? Уже отключили. Оставьте без пищи? Я не ем уже три дня. Мне просто не хочется.

Он повернулся ко мне, и его лицо было спокойным, почти просветлённым.

— Я ничего не знаю о теле в промзоне, Кирилл Александрович. Но я знаю, что это только начало. Потому что идея, однажды запущенная в мир, не умирает. Она мутирует. Она ищет новые носители. И находит.

Он снова замолчал, и его взгляд ушёл куда-то вглубь себя.

— Ваша Дарья... — начал он.

— Я сказал — не смейте, — прорычал я.

— Ваша Дарья, — повторил он, не повышая голоса, но и не останавливаясь, — она была лучшим резонатором. Если эхо вернулось, она его услышит. Раньше всех. Или... вы уже это знаете?

Он улыбнулся своей тонкой, прозрачной улыбкой.

— Она здесь, — сказал он. — Я чувствую её. Даже через эти стены. Её шум... он особенный.

— Вы её не получите, — мой голос был тихим, но в нём kloкотало то, что я сдерживал годами.

— Я и не прошу её получать. — Архитектор медленно поднялся с табурета — впервые за всё время. Его движения были плавными, почти грациозными.

— Я хочу её видеть. Лично.

В комнате стало тихо. Абсолютно, звеняще тихо. Я смотрел на него, и во мне поднималось что-то тёмное, давно похороненное.

— Никогда, — выдавил я.

— Это не ваше решение, — его голос был всё так же ровен, но в нём появилась новая нота. Уверенность. Спокойная, ледяная уверенность человека, который знает, что получит своё. — Она захочет прийти. Сама. Потому что её дар — это любопытство. Потому что она слышит эхо. А я — его источник.

— Вы — источник её кошмаров, — прорычал я. — Вы — тот, кто чуть не уничтожил её.

— Уничтожил? — он поднял бровь. — Я её открыл. Без меня она так и осталась бы дрожащей девочкой, которая боится собственного дара. А теперь... теперь она может слышать. Может резонировать. Может быть по-настоящему полезной.

— Вы не понимаете, Кирилл Александрович, — сказал он. — Я не враг. Я — катализатор. Без меня её дар останется сырым, неоформленным. А с нашей встречей... она сможет понять, кто она есть на самом деле.

— Она — человек, — прошипел я. — А не ваш образец.

— Это одно и то же, — ответил он, и его улыбка стала почти ласковой. — Человек — самый сложный образец. Особенно такой, как она.

Он чуть склонил голову, глядя на меня поверх очков. В его глазах не было ни злорадства, ни торжества. Только холодное, ненасытное любопытство.

— Вы расскажете мне о нём? О теле? — голос был всё так же ровен, но в нём появился новый оттенок. Не просьба. Не требование. Что-то среднее. Жадность учёного до новых данных. — Из вежливости. Я же рассказал вам о своих догадках.

Я сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Он не получит ничего. Ни слова. Ни взгляда. Ни капли информации, которую мог бы использовать.

Я развернулся и вышел, не сказав больше ни слова.

Дверь за мной закрылась с тихим шипением. В коридоре было холодно и пусто. Дежурный офицер смотрел на меня с немым вопросом, но я прошёл мимо, не глядя.

Я сел в машину, завёл двигатель, но не тронулся с места. Телефон лежал на пассажирском сиденье. Чёрный. Молчащий.

Я взял его. Посмотрел на экран. На имя.

Она, наверное, уже проснулась. Пьёт чай на кухне, гладит кота, смотрит в окно на серое утро. Может быть, улыбается. Может быть, думает, что я скоро вернусь. С продуктами. Или просто так.

Я сжал телефон в руке так, что пальцы побелели.

Я хотел позвонить. Сказать: *«Дарья, проснись, у нас проблема»*. И она бы проснулась. Приехала бы. Посмотрела на тело одним своим странным, сканирующим взглядом и сказала бы: *«Я слышу его. Он был здесь»*.

Она закончила бы фразу. А я бы получил ответ.

Но цена.

Я убрал руку от телефона.

Потом положил его обратно на сиденье.

И нажал на газ.

Глава 3

Я проснулась от поцелуя.

Лёгкое, почти невесомое прикосновение губ к виску. Тёплое дыхание на коже. И — тишина. Он уже отстранился, уже сделал шаг назад, прежде чем я успела открыть глаза.

Я не шевелилась. Не подавала вида, что проснулась. Я просто лежала, чувствуя, как в том месте, где его губы коснулись моей кожи, медленно остывает след. Как остывает всё, к чему он прикасается, когда уходит.

Шаги. Четыре шага к двери. Короткая пауза. Я почти услышала, как он смотрит на меня — в последний раз. Потом щелчок замка, и шаги затихли в коридоре.

Я открыла глаза.

Пустота.

Место рядом — ещё тёплое, смятое. Подушка хранила форму его головы. Я протянула руку, провела пальцами по простыне — там, где лежала его рука, обнимавшая меня всю ночь.

Через несколько минут я услышала, как за окном завёлся двигатель его машины. Потом тишина.

Ушёл.

Не разбудил. Не попрощался. Просто поцеловал в висок — и ушёл.

Как будто прощался. Насовсем.

В квартире было тихо. Слишком тихо. Не той живой, дышащей тишиной, что наполняла её последние дни, когда он был рядом — когда мы завтракали, молчали, пили чай, просто существовали в одном пространстве. А другой. Настороженной. Выжидающей. Тишиной, которая бывает перед бурей.

Я закрыла глаза и потянулась внутрь себя, туда, где жил мой дар — этот израненный, искалеченный, но уже не проклятый, а просто... мой инструмент. Я не хотела включать его на полную — слишком ярко, слишком больно. Но тонкий, пассивный слой, фоновое прослушивание мира — это стало моей новой нормой.

И я сразу его почувствовала.

Не его. А то, что осталось после него. Отпечаток.

Тяжёлый. Сбивчивый. Не его обычная ровная, ледяная сосредоточенность. Что-то другое. Тревога? Нет. Скорее... борьба. Внутренняя борьба. Словно он всю ночь решал уравнение, у которого нет правильного ответа.

Я открыла глаза, уставившись в потолок.

Он ушёл. Не просто ушёл — сбежал? Нет, Кирилл не сбегает. Он отступает по тактическим соображениям. Он перегруппировывается. Или... он принимает решение, о котором не хочет говорить.

Я чувствовала это последние несколько дней. Как он смотрит на меня, когда думает, что я не вижу. Как замирает на секунду перед тем, как войти в квартиру — будто проверяет, правильное ли решение.

Он боится.

Не за себя. За меня.

Или — боится, что я снова стану нужна. Что его мир, его работа, его долг потребуют от меня того, чего он не хочет давать.

А я... я не хочу быть «нужной». Не хочу быть инструментом, ресурсом, спецсредством. Я хочу быть просто... Дарьей. Девушкой, которая просыпается рядом с ним и чувствует себя в безопасности. Впервые в жизни.

Мы никогда не говорили об этом. О том, что это такое. О том, как нас назвать. О том, куда мы движемся и движемся ли вообще.

Он приходит. Уходит. Возвращается. Иногда — остаётся. И я принимаю это. Не потому, что мне всё равно. А потому, что боюсь спросить. Боюсь, что слова разрушат ту хрупкую, не имеющую названия вещь, которую мы построили.

Но его уход сегодня утром был слишком тихим, слишком осторожным. Как у человека, который прощается. Не насовсем — пока. Но репетирует. Привыкает.

Васька прыгнул на кровать, уткнулся влажным носом в мою ладонь и требовательно мяукнул. Я машинально погладила его, но мысли были далеко.

За окном просыпался город. Гул машин, далёкие голоса, лай собаки где-то в соседнем дворе — всё это влияло в моё сознание, но не ранило. Я научилась фильтровать. Отделять чужое от своего. Этот навык дался мне дорогой ценой, но теперь я им владела.

Я закрыла глаза и снова потянулась к его отпечатку.

Тишина.

Не та, что была здесь утром. Другая. Глубокая, плотная, как слой ваты между мной и миром. Это была его тишина — та, что он носил с собой годами, прежде чем встретил меня. Она осталась здесь, впиталась в стены, в подушку, в мою кожу.

Васька вдруг поднял голову, насторожил уши и уставился на входную дверь. Я прислушалась. Тишина.

Потом — едва слышный звук. Не шаги. Что-то другое. На лестничной клетке. Кто-то стоял там. Не уходил, не входил. Просто... стоял.

Моё сердце пропустило удар. Кирилл? Вернулся?

Я встала, накинула халат, подошла к двери. Заглянула в глазок.

Никого.

Пустая лестничная клетка, тусклая лампочка под потолком, чьи-то забытые санки у соседской двери.

Но я чувствовала. Свой дар, свой проклятый, благословенный дар, который уже не пыталась заглушить, а училась использовать, — он шептал мне на грани слышимого. Кто-то был здесь. Только что. Не Кирилл. Чужая эмоция — острая, быстрая, как вспышка.

Любопытство?

Нет. Внимание. Направленное. Сфокусированное. Как взгляд в оптический прицел.

Я отступила от двери, заперла замок — хотя он и так был заперт — и прижалась спиной к стене.

Ощущение рассеялось, как дым.

Но осадок остался — липкий, холодный. Не мой. Чужой.

Васька, потеряв интерес к двери, потянулся и пошёл на кухню — требовать завтрак. Я автоматически насыпала ему корма, поставила миску с водой. Действия, ставшие ритуалом, почти медитацией. Но мысли метались.

Я взяла телефон.

Экран был пуст. Ни звонков, ни сообщений.

Я набрала: «Ты где?» — и стерла. Потом снова: «Всё в порядке?» — и снова стерла. Потом просто смотрела на его имя в списке контактов и чувствовала, как внутри нарастает глухое, тягучее беспокойство.

Я не позвоню.

Не потому, что не хочу. А потому, что если позвоню — он поймёт, что я волнуюсь. А если он поймёт, что я волнуюсь, — начнёт защищать. А если начнёт защищать — перестанет быть со мной честным.

Такой уж он человек. Защита для него — это не говорить. Не втягивать. Не обременять.

Телефон завибрировал в руке. Я вздрогнула.

Не звонок. Напоминание. «Студенческий билет. Сегодня — последний день перерегистрации».

Университет. Я совсем забыла. Эта обычная, скучная, нужная жизнь, которая существовала где-то параллельно — с лекциями, справками, очередями в деканат.

Я оделась быстро, на автомате. Джинсы, свитер, куртка. Волосы в хвост. Беруши в карман — на всякий случай, даже если в транспорте будет относительно тихо.

Через час я стояла у зеркала в коридоре. Моё отражение смотрело на меня — бледное, с кругами под глазами, но с твёрдым, почти вызывающим взглядом. Не та Дарья, что пряталась от мира. Другая.

В кармане куртки лежал тот самый телефон — его телефон, кнопочный, «чистый». Я проверила. Ноль сообщений.

Это было неправильно. Мы не договаривались, что он будет отчитываться. Не договаривались ни о чём — наши отношения вообще не обсуждались, не назывались, не определялись. Они просто были. Но это молчание... оно было другим. Не спокойным. Тревожным.

Я сунула телефон обратно, взяла сумку.

— Я скоро, — сказала Ваське, который уже спал на подоконнике, свернувшись калачиком. Он даже ухом не повёл.

Маршрутка до метро была полупустой, и я успела занять место у окна. В наушниках играла тихая музыка — не чтобы заглушить мир, а чтобы создать свой фокус. Я закрыла глаза, позволив мыслям плыть.

Он ушёл сегодня утром очень тихо. Слишком тихо для человека, который собирается вернуться.

Я вспомнила, как он стоял в дверях вчера вечером на секунду, такую короткую, что я почти пропустила, его лицо стало... отстранённым. Как в первые дни. «Оператор» — маска, надетая на человека.

А потом он моргнул, и маска исчезла. И он спросил: «Чай будешь?» — как будто ничего не случилось.

Но я видела. Я всегда видела — чувствовала — больше, чем он хотел показывать.

В университете было шумно. Гул голосов, запах дешёвого кофе из автомата, чужие эмоции — нервное возбуждение перед сессией, скука, раздражение, редкие вспышки радости.

Я шла по коридору, и всё это обтекало меня, как вода — камень. Я научилась не впускать. Отделять. Фильтровать. Но сегодня даже привычные фильтры работали с трудом. Потому что внутри, под слоем внешнего шума, гудела одна-единственная, глухая нота.

Тревога.

Она заглушала всё остальное. Лекции, очереди, формальные улыбки в деканате — всё это было картонной декорацией, за которой пряталось главное.

Его молчание.

К одиннадцати утра я получила штамп в зачётке, перекинулась парой ничего не значащих фраз с однокурсницей, которая смотрела на меня с тем странным выражением — смесь любопытства и опасливой жалости, — и вышла на улицу.

Холодный ветер ударил в лицо, и я на секунду зажмурилась.

Вдох. Выдох.

Ничего не изменилось.

Я достала телефон. Экран был пуст. Ни звонков, ни сообщений.

Я смотрела на экран телефона.

Набрала: «Ты где?»

Пальцы замерли над кнопкой «отправить».

Я смотрела на эту короткую фразу и не могла нажать. Не потому, что боялась показаться навязчивой. Я уже прошла этот этап — когда боишься написать первой, чтобы не спугнуть. Теперь дело было в другом.

Я стерла сообщение.

Набрала снова: «*Всё хорошо?*»

Стерла.

Потом просто смотрела на экран, имя в списке контактов. Кирилл. Без фамилии, без должности, без звания. Просто — Кирилл.

Я закрыла глаза.

Мы никогда не говорили о границах. О том, что можно скрывать, а что — нет. О том, имею ли я право знать, что происходит в его мире, если этот мир однажды снова ворвётся в мой.

Может быть, я не имею права. Может быть, он должен сам решать, чем делиться, а что оставлять при себе.

Я открыла глаза и посмотрела на серое небо.

Но сегодня, стоя на холодной улице с телефоном в руке, я поняла, что не хочу больше быть в позиции «той, кого защищают».

Я хочу быть той, кто рядом. Даже если страшно. Даже если больно. Даже если он будет молчать.

Я посмотрела на экран. Набрала снова: «*Ты где?*»

И снова стерла.

Потому что этот вопрос был не тем, что я хотела спросить. Я хотела спросить другое: «Ты вернёшься?» — но это было бы слишком похоже на прощание.

Я убрала телефон в карман.

И чувствовала, как внутри нарастает не тревога даже — а глухое, тягучее беспокойство. Не страх. Что-то другое. Уверенность, что если я сейчас не сделаю что-то — не поеду, не узнаю, не ворвусь в его пространство со своим дурацким беспокойством, — то потом буду жалеть.

Я посмотрела на часы. Полдень.

Решение пришло не как озарение. Оно созревало внутри весь день, и вот — щёлкнуло.

Я не позвоню. Не буду писать. Не буду спрашивать «ты где?» и «всё ли в порядке?».

Я приеду сама.

Он ушёл из моей постели, поцеловав на прощание — я приду в его крепость. Не как проситель, не как жертва, не как «спец ресурс», которого нужно защищать.

Как его человек.

Сердце колотилось, но это был не страх. Это было предчувствие. Острое, почти болезненное чувство, что я делаю правильно.

Такси до базы — полтора часа, которые растянулись в вечность. Я смотрела в окно на серые дома, на голые весенние деревья, на редких прохожих. Время перевалило за три часа дня, когда я попросила водителя остановиться за квартал до базы — пешком быстрее, и меньше шансов, что меня заметят на подъезде.

Я шла по пустынной улице, мимо гаражей и бетонных заборов. Ветер дул в лицо, холодный, колючий. Но внутри горело.

Подошла к КПП. Дежурный узнал меня, выпучил глаза. — Дарья Сергеева? А нам не сказали... — Он потянулся к телефону. — Я сейчас доложу...

— Не надо, — остановила я. — Я сама. Это сюрприз. Ответила я, протягивая пропуск, который Кирилл так и не забрал у меня. — Кирилл Александрович на месте?

Охранник колеблется секунду, но пропускает — потому что знает, кто я для Кирилла. На базе все знают.

— Так точно. У себя. Только... — он запнулся, — у них там совещание. Громов приехал, ещё кто-то. С утра.

— Значит, подожду.

Я прошла на территорию. Главное здание встретило меня запахом хлорки и тишины. Но эта тишина была напряжённой, боевой — совсем не той, что царила в его квартире или в моей спальне. Здесь пахло работой. И страхом.

Не моим. Их. Глухим, подавленным страхом людей, которые столкнулись с чем-то, чего не понимают.

Я поднялась на второй этаж, к его кабинету. И здесь, в коридоре, в трёх шагах от двери, я остановилась.

Потому что на меня обрушилось.

Не звук. Не запах. Эмоциональный фон — плотный, тяжёлый, почти осязаемый. Он просачивался сквозь закрытую дверь, сквозь бетонные стены, сквозь все барьеры, которые я научилась выстраивать.

Громов. Его я узнала сразу — жёсткая, сдержанная злость, приправленная тревогой. Как у пса, который взял след, но не понимает, куда бежать.

Кто-то третий — незнакомый мужчина, молодой, с быстрым, нервным умом. Его фон был как статическое электричество — мелкое, раздражающее, липкое.

И — Кирилл.

Его я чувствовала отчётливее всех, хотя он всегда был самым тихим. Слишком тихим. Но сейчас даже его молчание кричало.

Не пустота. Не сталь. Разрыв.

Как будто что-то внутри него — то самое, что держало его годы — дало трещину. И из трещины сочилось. Не эмоция — не могла разобрать. Слишком глубоко, слишком плотно упаковано. Но я чувствовала тяжесть. Вес решения, которое уже принято. И боль от того, что оно делает с ним.

И усталость. Не физическую — душевную. Такую глубокую, что, кажется — никогда не пройдёт.

Я стояла в коридоре, прижавшись спиной к холодной стене, и дышала. Медленно. Глубоко. Как он учил.

«Ты слышишь шум. Это нормально. Твоя задача — не заглушить его. Твоя задача — отделить себя. Вот это — они. А вот это — ты».

Я отделила.

Громов — это не моя тревога. Незнакомый мужчина — не мой страх. Кирилл... Кирилл был сложнее. Он не был «не мной». Он был рядом. Его боль отзывалась в моей груди тупой, ноющей нотой.

И в этот момент я вспомнила поцелуй. Лёгкий. Прощальный. И поняла.

Если я не войду сейчас — если отступлю, дам ему время «додумать», «привыкнуть», «смириться», — он сделает это. Примет решение. И я потеряю его. Не физически. По-другому. Как теряют человека, который решил, что так будет лучше для всех.

Я выпрямилась. Поправила куртку. И открыла дверь, не постучав.

В кабинете повисла тишина. Громов и молодой оперативник застыли, уставившись на меня. Кирилл стоял у карты на стене, маркер в руке. Он обернулся, и на его лице мелькнуло что-то — не удивление, не гнев. Что-то мимолётное, почти уязвимое, что он тут же спрятал.

Но я успела увидеть. И это «что-то» подтвердило всё, что я чувствовала в коридоре.

Он принимал решение. Без меня. И оно было не в мою пользу.

— Дарья, — сказал он. Голос — ровный, как всегда. Но я услышала: под ним — пустота. Та самая, старая пустота, которую он заполнял мной последние недели. И сейчас она возвращалась. Потому что он позволял ей возвращаться.

— Ты ушёл утром. Не попрощался, — сказала я, глядя прямо на него, не обращая внимания на Громова и его удивлённый взгляд.

— Был вызов, — ответил он, откладывая маркер. — Срочный.

— Знаю. — Я шагнула в комнату. — Я не об этом.

Он замолчал. Смотрел на меня. Его лицо — каменная маска. Но я знала, что под ней.

Громов переглянулся с оперативником.

— Мы потом, — бросил он и, кивнув мне, вышел вместе с молодым.
Дверь закрылась.

Мы остались вдвоём. В тишине, которая была тяжелее любого крика.

— Зачем ты пришла? — спросил он. Не грубо. Устало.

— Потому что ты хотел уйти. От меня. — Я подошла ближе. — Я чувствовала это всю дорогу. Твой фон. Твоё... прощание. Ты решил, что так будет лучше. Для меня.

Он не ответил. Не отвёл взгляд.

— Это не твоё решение, — сказала я тихо. — Моя жизнь — моя. И если ты хочешь из неё уйти — уходи. Но не делай вид, что это «чтобы меня защитить». Это чтобы защитить себя. От страха. От ответственности. От того, что может случиться, если я снова стану нужна.

Он шагнул ко мне. Быстро. Резко. Его рука легла на мою шею — не сжимая, просто держа, как держат хрупкую, драгоценную вещь, которую боятся уронить.

— Ты не права, — сказал он, и его голос дрогнул. Впервые за всё время. — Я не боюсь за себя. Я боюсь...

— Что я ломаюсь? — закончила я. — Уже сломалась. И собралась.

Он молчал. Дышал. Его пальцы на моей шее чуть сжались.

— Сегодня утром, — наконец сказал он, — я ушёл на вызов. Не потому, что хотел уйти от тебя. Потому что...

Он запнулся и уже собирался отпустить меня, но я не дала.

Я прикоснулась губами к его.

Он замер — весь, целиком, от напряжённых плеч до кончиков пальцев, которые лежали на моей шее. Не оттолкнул. Не отстранился. Просто... перестал дышать.

Я чувствовала это — его замешательство, его растерянность. Кирилл Вольнов, человек-сталь, человек-приказ, растерялся от простого прикосновения.

Раньше я бы не решилась на такое. Раньше я ждала, когда он сделает первый шаг, боялась спугнуть, боялась показаться навязчивой, боялась, что он увидит во мне не женщину, а очередной «ресурс».

Но та Дарья умерла на столе Архитектора. А здесь, в этом кабинете, стояла другая.

Студентка, выжившая, женщина, которая устала бояться. Которая поняла: если не сделать шаг сейчас — он сделает его сам. В другую сторону.

Я целовала его неспешно, неумело — я только училась этому. Училась читать его реакции по тому, как напрягаются мышцы под моими пальцами, как сбивается его дыхание, как его рука на моей шее медленно сжимается — не больно, а скорее удерживая, будто он боялся, что я исчезну.

Мой поцелуй был не о страсти. Не о желании, которое требовало немедленного продолжения.

Это была пауза.

Тишина посреди бури.

Способ сказать: *«Я здесь. Я не ушла. И не уйду, пока ты не скажешь»*.

Он ответил. Не сразу — через несколько долгих, тягучих секунд. Его губы дрогнули, приоткрылись, и он поцеловал в ответ — тяжело, неуклюже, как человек, который разучился быть нежным и теперь пытается вспомнить, как это делается.

Я чувствовала его внутреннюю борьбу — каждое сомнение, каждую попытку отстраниться, каждую победу желания остаться над приказом уйти.

Когда мы отстранились, его лоб всё ещё касался моего. Дыхание было сбивчивым, неровным — у обоих.

— Это нечестно, — прошептал он хрипло.

— Это выбор, — ответила я. — Твой и мой. Не только твой.

Я не просила его остаться. Не требовала объяснений. Я просто напредила: он не один принимает решения, которые касаются нас обоих.

Он молчал. Дышал. Его рука всё ещё лежала на моей шее, пальцы чуть сжимались и разжимались, будто он никак не мог решить — притянуть меня ближе или отпустить навсегда.

Потом он выдохнул — тяжело, с хрипотцой — и убрал руку. Сделал шаг назад.

Я не двигалась. Ждала.

Он отвернулся к окну. Спина — прямая, напряжённая. Я чувствовала, как он собирает себя по кускам, как ставит на место ту самую броню, которую я только что пробила.

— Ты не должна была приезжать, — сказал он, не оборачиваясь. Голос был ровным, но под ним — усталость.

— Я знаю, — ответила я.

— Здесь опасно.

— Я знаю.

— Это не твоя война.

Я подошла ближе. Встала рядом, глядя в окно на серое небо.

— Ты решил, что будешь защищать меня, держа в стороне, — сказала я тихо. — Я это чувствовала. Всю дорогу. Твой фон кричал об этом громче любых слов.

Он молчал.

— Но ты не учёл одного, Кирилл. — Я повернулась к нему. — Я уже не та Дарья, которую нужно защищать. Я та, которая может быть рядом. Даже если страшно. Даже если больно. Даже если ты будешь молчать.

Он медленно повернулся ко мне. В его глазах — усталость, боль и что-то ещё. То, что он пытался спрятать за маской оператора.

— Сегодня утром нашли тело, — сказал он. Голос был ровным, но я слышала — под ним дрожь. — Мужчина. Волонтёр хосписа. Без глаз. Почерк — его.

Архитектора. Он не назвал имя, но я поняла.

Холод пополз по позвоночнику.

— Я ездил к нему, — продолжил Кирилл. — Думал, он знает. Он сказал, что ничего не знает. Но... — он запнулся, — он хочет тебя видеть. Лично.

В комнате стало тихо. Я смотрела на него, переваривая.

— Он сказал, что ты захочешь прийти. Сама. Потому что твой дар — это любопытство. Потому что ты слышишь эхо.

— И что ты ему ответил? — спросила я.

— Что никогда этого не допущу.

Он смотрел на меня. В его глазах — не пустота. Решимость. И страх. Тот самый, который я чувствовала в его отпечатке.

Я шагнула к нему. Взяла его руку — ту, что лежала на моей шее минуту назад. Сжала.

— Тогда не допускай, — сказала я тихо. — Но не решай за меня. Мы справимся. Вместе.

Он смотрел на наши сплетённые пальцы, потом поднял взгляд на меня.

— Это опасно, — повторил он.

— Я знаю, — ответила я. — Но я здесь. Я не уйду.

Он молчал. Дышал. Потом медленно кивнул — один раз, коротко.

— Тогда... смотри, — сказал он, подводя меня к карте. — Это первое тело. Это место, где его нашли. Это — возможные точки для второго, если следовать логике Архитектора.

Мы начали работать. Вместе.

Но я знала, что это только начало. И что за дверью, в коридоре, меня ждало не только его решение. Там было что-то ещё. Кто-то, кто стоял у моей двери сегодня утром. Чьё внимание — холодное, сфокусированное — я чувствовала даже сейчас. Фоном. На грани восприятия.

Он уже знал. Кто бы это ни был — он уже знал обо мне.

И я должна была быть готова.

Глава 4

Карта на стене была испещрена отметками — красные точки мест преступлений Архитектора, синие — новые, жёлтые — вероятные точки для следующего удара, если следовать его логике распределения «тишины». В тусклом свете настольной лампы эти метки казались не просто схемой, а картой войны, где враг был невидим, а его ходы — непредсказуемы.

Кирилл стоял рядом, водя указкой по схеме, объяснял. Его голос был ровным, почти монотонным — операторским, привычным для совещаний и брифингов. Но я почти не слушала слова. Я слушала его.

Фон был спокойным. Ровным. Он переключился в рабочий режим, где эмоциям нет места. Это была его тишина — та самая, которая когда-то стала моим спасением. И сейчас она работала как щит, приглушая гул чужих мыслей за стеной, нервное возбуждение Громова где-то в коридоре, его жестяной привкус адреналина.

— Дарья? — он заметил, что я отвлеклась, и на секунду замер, указка застыла в воздухе.

— Всё в порядке, — соврала я, возвращая фокус на карту. — Продолжай.

Он задержал на мне взгляд на секунду дольше, чем нужно. Не спросил «что случилось?» — знал, что не отвечу. Просто вернулся к карте, к указке, к фактам. Но в его тишине на миг проступило что-то тёплое, мимолётное. Забота, которую он прятал за операторской маской.

За дверью было не тихо. За дверью — ждали. Двое. Громов — я узнавала его фон, тяжёлый, как старый диван, с которым сроднился, — и кто-то третий. Чужой. Незнакомый мне резкий, колющий сигнал, будто кто-то водил смычком по натянутой струне.

Нетерпение.

Не злое. Выжидающее. Как у человека, который привык получать ответы сразу и не любит, когда его заставляют ждать. Профессиональное нетерпение эксперта, чьё время — деньги, а минуты простоя — потерянные улики.

Я не оборачивалась. Кирилл стоял у карты. Но я знала — он тоже чувствовал их. Не даром — опытом. Он знал, что они там. И знал, что я знаю.

— Они войдут, — сказала я негромко, разглядывая жёлтое пятно на карте — точку, где по расчётам Кирилла могло появиться следующее тело. — Ты же не вечно будешь их держать в коридоре.

Он повернулся ко мне, отложил указку на стол. Взгляд — долгий, изучающий. Такой, каким он смотрел на меня в первые дни нашего знакомства — сканирующий, оценивающий, ищущий слабинку.

— Ты уверена?

— Я не инструмент, Кирилл. — Я выдержала его взгляд. — Если он хочет на меня посмотреть — пусть смотрит.

Я не уточнила, кто именно «он». Кирилл и так понял.

Он кивнул. Коротко, резко — так, что хрустнула шея. Подошёл к двери, открыл, и в его движениях не было ни секунды сомнения.

— Входите.

Громов вошёл первым — грузный, усталый, с вечно нахмуренным лицом, которое сейчас казалось ещё более серым, чем обычно под неестественным светом ламп. От него пахло табаком и холодным воздухом, а его фон был тяжёлым, как намокший плащ. Он кивнул мне — коротко, по-своему тепло — и сел на стул у стены, сразу став частью интерьера.

За ним — тот, кого я чувствовала за дверью.

Мужчина. Лет тридцать — тридцать пять. Острые скулы, быстрые глаза за стёклами очков в тонкой металлической оправе. От него пахло дорогим одеколоном и свежесваренным

кофе. Он одёрнул пиджак, прежде чем сесть — жест самоуверенный, почти вызывающий. Человек, привыкший, что его слушают и уважают его мнение.

— Дарья Сергеева, — сказал Кирилл, и его голос был ровным, операторским, без намёка на какое-либо пояснение наших отношений. — Это эксперт-криминалист Григорий Николаевич Тарасов. Будет работать с нами по новому делу.

— Очень приятно, — сказал Тарасов. Улыбнулся — белыми, ровными зубами. Но глаза остались холодными, сканирующими. Он смотрел на меня так, будто я была не человеком, а очередным экспонатом, который нужно изучить и классифицировать.

Я кивнула. Молча.

Он ждал, что я что-то скажу — представлюсь, объясню, кто я и зачем здесь. Громов тоже ждал — я чувствовала его лёгкое напряжение, смешанное с любопытством. Кирилл просто стоял у карты, не вмешиваясь.

Я молчала. Моё дело было не представляться. Моё дело — слушать.

Кирилл начал говорить. Коротко, сухо, по делу — так, как умел только он. Новое тело, пустые глазницы, на руке жертвы — татуировка. Почерк — похож на Архитектора, но не он. Версии — подражатель, последователь, кто-то, кто продолжает его дело.

Голос Кирилла был как метроном — отмерял факты, не добавляя лишнего. Тарасов слушал внимательно, иногда задавал вопросы — быстрые, точные, профессиональные. Громов вставлял реплики — больше для себя, чтобы убедиться, что его не забыли.

Я сидела на стуле за столом, сложив руки на коленях, и просто... слушала.

Не слова — я и так знала всё, что они обсуждали. Знакомые термины, знакомые процедуры, знакомый ритуал расследования.

Я слушала их.

Громов — устал. Не от этого дела — от многих. От бесконечной череды тел, которые не говорят, и улики, которые молчат. Он хотел результата. Любого. И прямо сейчас он думал о том, как сегодня вечером вернётся домой, а там...

Я чуть склонила голову в сторону, будто прислушиваясь. В его фоне мелькнуло что-то тёплое, мягкое — не мысль, скорее ощущение. Чистые простыни. Тихий смех. Чьи-то пальцы, перебирающие его волосы.

Дома кто-то ждал. Девушка? Жена? Я незаметно скользнула взглядом по его правой руке, лежавшей на колене.

Кольца не было. Значит, девушка. Или женщина — та, что не требует штампа в паспорте, чтобы быть домом.

Моё внимание переключилось на Тарасова.

Его фон был другим. Любопытство, смешанное с недоверием. Он слышал обо мне — «специалист по нелинейному восприятию», «эмпат», «та самая девушка из дела Архитектора». Слухи, сплетни, оперативные сводки. Ему нужны были доказательства. Он не верил — пока. Но хотел поверить.

Потому что если я реальна, если мой дар — правда, то это меняет правила игры. А он любил менять правила. Человек, который привык быть самым умным в комнате, внезапно оказался перед тем, что не вписывается в его картину мира.

Я невольно улыбнулась уголком губ. Не над ним — над собой. Над тем, как странно устроен мир: когда-то я боялась, что мой дар сделает меня изгоем. А теперь он делал меня ценной.

Если раньше я тонула в чужих эмоциях, захлёбывалась ими, теряла границы между «я» и «не-я», то сейчас я их раскладывала по полочкам. Сортировала. Анализировала. Это был не дар — это был навык. Жёсткий, вымученный, выстраданный.

Кирилл — я чувствовала его даже не краем сознания, а всей кожей. Он был спокоен. Но это спокойствие было как лёд над бурлящей рекой. Он контролировал себя. Контролировал

комнату. Контролировал их. И — меня. Не приказами. Присутствием. Его тишина обволакивала меня, создавая тот самый стерильный слой воздуха, в котором я могла дышать, даже когда мир вокруг задышался.

— Что думаете, Дарья Сергеева? — голос Тарасова вырвал меня из внутреннего наблюдения. Он смотрел на меня поверх очков, и в его взгляде читался вызов — не злой, скорее проверочный. *«Ну же, покажи, на что способна»*.

Я медленно подняла на него глаза.

— О чём?

Он чуть наклонил голову, усмехнулся — не зло, скорее с интересом.

— О деле. О версиях. О том, кто это может быть. Вы же не просто так здесь сидите. У вас есть... — он запнулся на секунду, подбирая слово, — ...впечатления.

Я посмотрела на Кирилла. Он стоял у карты, скрестив руки на груди. Не подсказывал. Не защищал. Просто ждал — что я скажу. В его глазах не было ни тревоги, ни гордости. Только спокойная уверенность.

— Я не знаю, кто это, — сказала я. — Пока. Мне нужно увидеть материалы. Фотографии. Место.

— Фотографии у нас есть, — Тарасов кивнул на папку на столе. Кожаная, дорогая, с застёжками — не казённая, своя.

— Тогда покажите.

Кирилл взял папку, выложил несколько снимков в ряд на столе. Лампа осветила глянцевую поверхность фотографий — холодную, бездушную.

— Пустой ангар, — сказал он. — Место, где нашли тело.

Я смотрела на бетонный пол, на ржавые балки, на луч света из дыры в крыше. И чувствовала — холод. Сырость. Пустоту. Не физическую — ту, что остаётся после того, как из пространства выкачали всё живое. Мне даже показалось на секунду, что я слышу, как капает вода где-то в углу. Хотя знала — на фото этого нет.

— Убили не здесь, — сказала я. — Привезли.

Тарасов хотел спросить — откуда знаю. Его рот уже приоткрылся, на языке вертелось привычное *«а как вы определили?»*. Но Кирилл взглядом заставил его молчать. Короткий, быстрый взгляд — и Тарасов закрыл рот, только желваки заиграли на скулах, а в его фоне на миг полыхнуло острое, как укус, раздражение. Но он смолчал. Профессионал.

Следующее фото — тело. Мужчина на бетоне. Пустые, чёрные глазницы.

В голове сразу вспыхнула другая картинка. Архитектор. Его лаборатория. Банки с глазами на полках — десятки пар, смотрящих в пустоту. Раньше это воспоминание вызвало бы страх, панику, дрожь. Теперь — только холодный, неоспоримый факт. Как запись в протоколе.

Я перевела взгляд на следующее фото. Без паузы. Без дрожи. Татуировка. Тонкие, аккуратные линии, выведенные с почти хирургической точностью.

Но это были не цифры. Не буквы.

— Это... ноты? — спросил Тарасов, наклоняясь ближе. В его голосе впервые прозвучало нечто, кроме скепсиса. Растерянность.

— Четвертная нота, — сказала я тихо, водя пальцем по бумаге. — Римская единица. И фермата — знак остановки, задержки.

— «♪— 1 — ##», — прочитал он вслух. — Что это значит?

— Первая нота. Пауза, — ответила я. — Начало симфонии. И остановка перед чем-то.

Я смотрела на фотографию, и внутри поднималось что-то холодное, липкое. Не страх — предчувствие.

Я взяла снимок в руки. Бумага была холодной, гладкой, пахло типографской краской. Татуировка смотрела на меня чёрными, аккуратными линиями.

Я закрыла глаза. Глубокий вдох.

И отпустила барьеры.

Не полностью — я уже не была той беззащитной девушкой, которую швыряло волной чужих эмоций. Теперь я управляла погружением. Как ныряльщик, который знает, где дно, и не бьётся головой о камни.

Лёгкий, пассивный слой — фон, который я научилась держать всегда включённым, как фоновую музыку.

И он заговорил.

Не голос. Ощущение. Тяжёлое, липкое, чужое — как чья-то рука на плече, от которой не отмахнуться. Там — на фотографии, в бетоне, в этом теле — осталось что-то. Не крик. Не боль. Согласие.

Он знал, что умрёт. И пришёл сам.

Я погрузилась глубже. Картинка дрогнула — мягко, почти неуловимо. Эхо наложилось на реальность прозрачным слоем.

Я увидела руку. Руку Туманова. Она лежала на чём-то твёрдом — возможно, на столе. Неподвижно. Слишком неподвижно.

Он уже был мёртв.

Я знала это не умом — чувствовала. В теле не было пульсации, той едва уловимой вибрации жизни, которая всегда есть у живого человека. Только холод. И тишина.

А над рукой — другая рука. В чёрной перчатке. Тонкая, с длинными пальцами. Она держала инструмент — не тату-машинку, не иглу. Что-то другое, острое, блестящее. Перо? Стальной стержень?

Игла вошла в кожу. Мёртвую кожу.

В этот миг моя собственная рука дёрнулась — там, где сейчас, в реальном кабинете, не было ничего. Фантомный укол. Я стиснула зубы, не позволяя себе отшатнуться.

Не было крови — только тёмные, аккуратные линии, проступающие под нажимом. Символ за символом. Четвертная нота. Римская единица. Фермата.

Без спешки. Без дрожи. С почти ритуальной торжественностью.

Он наносил татуировку на мёртвое тело. Как художник, подписывающий готовую работу.

Я почувствовала, как по спине пробежал холод. Не от видения — от осознания.

Это не было убийством. Это было творчеством. И тело Туманова — не жертва, а холст.

Я открыла глаза.

Тарасов смотрел на меня. В его глазах не было скепсиса. Было что-то другое — напряжение. И любопытство. Настоящее, профессиональное.

— Что вы видели? — спросил он.

Я положила фото на стол. Пальцы вдруг стали холодными и негнушимися. Я убрала руки под стол — быстро, почти резко, чтобы никто не увидел, как они дрожат.

— Татуировку наносили после смерти, — сказала я. — На мёртвое тело.

Тарасов замер.

— Вы уверены?

— Да. Я видела руку в чёрной перчатке. Матовая. Плотная. Похожа на нитрил или тонкую медицинскую кожу. Инструмент — игла. Длинная, тонкая, не татуировочная. Жёсткая. Игла входила в кожу — не было крови. Не было... жизни.

— Это невозможно, — сказал Тарасов, но голос его дрогнул. — Татуировка свежая, это правда. Но определить, нанесена она до или после смерти... экспертиза пока молчит.

— Она нанесена после, — повторила я. — Я видела.

— Вы не могли этого видеть, — возразил он, но в его голосе уже не было прежней уверенности. — Фотография не передаёт...

— Я видела не фотографию, — перебила я. — Я видела эхо.

Тарасов замолчал. Он смотрел на меня, на свои руки, на фото с татуировкой. Потом перевёл взгляд на Кирилла.

— Вы верите ей? — спросил он.

Кирилл не ответил сразу. Его взгляд был прикован ко мне — тяжёлый, немигающий.

— Верю, — сказал он.

Тарасов покачал головой, но спорить не стал.

— Рука — правая или левая? — спросил он, достав планшет.

— Правая, — ответила я после секундной заминки, возвращая картинку. — Инструмент держала в правой. Уверенно.

— Размер перчатки?

— Средний. Пальцы длинные, тонкие. Я не могу сказать точно — мужские или женские.

— Что ещё?

— Татуировку наносили не в ангаре. Там слишком холодно. Он делал это в другом месте. С лучшим светом. Может быть, у себя в мастерской.

Он быстро записывал, его палец скользил по экрану.

— Если это, правда... — он запнулся, подбирая слова, — если татуировку наносили после смерти... значит, убийца не просто убивает. Он возвращается к телу. Или... делает это на месте. У него есть время. И спокойствие.

— Или цинизм, — добавил Кирилл.

— Или уверенность в безнаказанности, — закончила я.

Мы помолчали.

— Что ещё вы видели? — спросил Тарасов. Теперь он смотрел на меня по-другому — с живым, профессиональным любопытством.

Я покачала головой.

— Фотография дала мне эхо. Смутное, как отголосок крика в горах. Я посмотрела на него. — Но чтобы услышать сам крик, мне нужен предмет или место где его обнаружили. На них осталось больше, чем на фото.

Кирилл кивнул.

— Завтра.

— Хорошо, — ответила я.

Тарасов смотрел на меня — оценивающе, недоверчиво, но без враждебности. Его эмоциональный фон чуть изменился — любопытство перевесило скепсис. Пока. Он перебирал в голове варианты: «блеф», «самовнушение», «совпадение». Учёный ум искал рациональное объяснение и не находил.

— И это всё? — спросил он, чуть подаваясь вперёд. — Вы просто... смотрите и чувствуете?

— Да, — ответила я. — Просто смотрю и чувствую.

— И этого достаточно?

Я посмотрела на Кирилла. Он стоял у карты, не вмешиваясь. Ждал. В его позе не было ничего — но я чувствовала, как его внимание сфокусировано на мне, как луч прожектора.

— Пока — да, — сказала я. — Когда перестанет быть достаточно — я скажу.

Тарасов хотел возразить, но Громов, до этого молчавший, положил руку ему на плечо. Жест был мягким, но уверенным — как у старшего коллеги, который знает, когда пора остановиться.

— Григорий Николаевич, давайте пока с тем, что есть. Сергеева своё дело знает.

Тарасов посмотрел на Громова, потом на Кирилла, потом на меня. Его лицо было непроницаемым, но я чувствовала, как его интерес — профессиональный, острый — продолжает работать, фиксируя каждую мою деталь.

— Хорошо. — Он поднялся, поправил пиджак. — Завтра, Дарья Сергеева, я жду продолжения.

Они встали, попрощались — коротко, по-военному. Громов кивнул мне, и в его кивке было то самое отеческое тепло, которое я так ценила. Тарасов просто вышел, не оглядываясь, захлопнув за собой дверь чуть громче, чем следовало.

Тишина.

Его тишина. Сразу — как одеяло, как спасательный круг. Она обрушилась на меня, смывая остатки чужих эмоций, чужих мыслей, чужого недоверия.

Кирилл подошёл, сел на край стола напротив меня — совсем близко, его колено почти касалось моего. Свет лампы падал на его лицо, делая тени глубже, а глаза — темнее.

— Как ты? — спросил он.

Я сделала вдох. Глубокий, ровный.

— Они нервничают. — Мой голос звучал тише, чем хотелось. — Громов устал. И, кажется, он влюблён — в кого-то, кто ждёт его дома. Тарасов не верит — пока. Но хочет верить. Это хорошо.

Кирилл чуть усмехнулся — уголком губ, едва заметно.

— Это не то, о чём я спросил, — сказал он, возвращая разговор в нужное русло.

Я подняла на него глаза. — Я в порядке. Правда. Они громкие, но с тобой — не страшно.

Он смотрел на меня долго. Так, будто сканировал — не на предмет травм, как раньше, а на предмет правды. Потом протянул руку и убрал прядь волос с моего лица. Жест был медленным, почти невесомым — не оперативным, не нужным для дела. Просто — его.

Его пальцы задержались на моей щеке на секунду дольше, чем нужно, и я почувствовала тепло — простое, человеческое, не имеющее отношения к дару.

Я накрыла его ладонь своей.

Мы сидели так несколько секунд — молча, не двигаясь. В его тишине не было напряжения. Только усталость. И что-то ещё, тёплое, что он редко показывал.

— Завтра будет тяжелее, — сказал он.

— Знаю.

— Мы можем подождать. Несколько дней.

Я покачала головой.

— Кто-то не может ждать. Тело — не последнее. Будет второе. И третье. Чем быстрее мы начнём, тем больше шансов.

Он не спорил. Не умел — когда я была права. В его глазах мелькнуло что-то — усталость, признание, может быть, даже гордость. Слишком быстро, чтобы я успела разобрать.

— Ты не обязана, — сказал он тихо. Не операторским тоном — своим.

— Знаю.

Я взяла папку, выложила фотографии перед собой. Не все — только те, что с телом. Ангар, бетон, луч света. Крупный план лица — пустые глазницы, аккуратные, почти стерильные.

Глубокий вдох.

Я закрыла глаза и снова отпустила барьеры — ровно настолько, чтобы войти в то состояние, где эхо звучит громче слов.

Сначала пришёл холод.

Не тот, что от сквозняка. Глубинный, въевшийся. Холод бетона, который не греет солнце, потому что солнце сюда почти не заглядывает. Холод одиночества.

Потом — запах.

Не тот, который я бы узнала сразу — камфора, скипидар, дешёвый одеколон, сладковатая химия. Этот был другим. Тяжёлым, маслянистым, с ноткой дыма и... ладана? Нет. Что-то больничное, стерильное, но с примесью тёплого, почти уютного.

Как в комнате, где человек готовится к долгому сну. Или к тому, из чего не просыпаются. Я не открывала глаза. Дышала ровно, как учил он.

И тишина.

Не его тишина — та была живой, тёплой, она обволакивала, защищала. Другая. Мёртвая. Та, что остаётся после того, как из человека вынули всё — не только глаза. Душу? Личность? Я не знала, как это назвать. Но чувствовала.

И под тишиной — странное, почти неуловимое эхо. Не крик, не страх. Спокойствие.

— Он согласился, — прошептала я, не открывая глаз. — Не боролся. Он... позволил.

— Откуда знаешь? — спросил Кирилл.

— Запах, — сказала я. — Он не пахнет страхом. Не пахнет борьбой. Там, где его забрали, была тишина. Не насильственная, как у Архитектора. Другая. Усталая. Как у человека, который наконец-то может выдохнуть.

Я потянулась глубже, туда, где тело лежало на бетоне.

Осторожно. Не касаясь, не впуская до конца.

И почувствовала.

Сначала — усталость. Не физическую — от жизни. Долгую, тягучую, как болезнь, от которой нет лекарства. Потом — облегчение. Странное, пугающее своей неправильностью.

— Он болел? — спросила я вслух.

— Терминальная стадия. Рак поджелудочной. Три месяца оставалось, может, полгода. Врачи ничего не могли сделать, — ответил Кирилл.

Я открыла глаза. Посмотрела на него.

— Ты знал.

— Узнал пару часов назад. Тарасов пробил медицинскую карту. — Кирилл помолчал. — Туманов — волонтер хосписа. Видел смерть каждый день. Может быть, перестал её бояться. Или... решил, что так будет легче.

Я снова закрыла глаза.

Не усталость. Не облегчение. Что-то ещё. Решение. Не спонтанное — выношенное, обдуманное. Он не хотел умирать, но принял смерть как данность. Как последнюю процедуру.

— Он знал, кто это сделает, — сказала я тихо. — Они встретились не здесь. Где-то раньше. Может быть, в хосписе. Может быть, на улице. Тот, кто это сделал, подошёл к нему. Предложил. И он... согласился.

— Ты уверена?

Я замерла.

Уверена ли я? Нет. Уверенность — это факты, улики, отпечатки пальцев. А у меня было только эхо. Тонкое, зыбкое. Но оно повторялось. С каждым новым погружением чётче, отчётливее.

— Да, — сказала я. — Уверена.

Я снова взяла фото — то, где крупным планом лицо. Пустые глазницы смотрели на меня, но я уже не отводила взгляд.

— У него не было страха, — сказала я тихо. — В последний момент. Он не сопротивлялся. Он... помогал.

Кирилл молчал. Его лицо было каменным, но я чувствовала — под маской закипает ярость.

— Он хотел, чтобы его смерть что-то значила, — продолжала я. — Не просто угаснуть в больничной палате, под капельницей, в окружении сиделок. А стать... частью чего-то. Чего-то, что он считал важным.

— Важным? — переспросил Кирилл. В его голосе прорезались стальные нотки. — Убийство — важным?

Я открыла глаза, посмотрела на него.

— Для него — да. Он верил. Тот, кто это сделал, дал ему то, что он хотел. Смысл. Даже в смерти.

Кирилл молчал.

Я положила фото на стол.

— Завтра я посмотрю глубже.

Кирилл кивнул.

— Хорошо.

Я встала, подошла к окну.

— Он не последний, — сказала я, не оборачиваясь. — Там, в темноте, кто-то уже ждёт своей очереди.

— Мы успеем, — тихо сказал Кирилл.

Я повернулась к нему.

— Успеем? Или просто будем собирать тела?

Он не ответил.

Я подошла, взяла его за руку.

— Завтра, — сказала я.

— Завтра, — ответил он.

Глава 5

Машина мягко затормозила у моего подъезда.

Ночь уже накрыла двор густой, почти осязаемой темнотой. Фонари горели через один, выхватывая из мрака то ржавую скамейку, то чью-то забытую детскую коляску у мусорных баков. Кирилл заглушил двигатель, и тишина накрыла нас — не та, оперативная, с привкусом адреналина, а обычная, усталая, вечерняя. С мыслью о том, что завтра снова вставать и снова работать.

Я не хотела выходить. Не потому, что боялась — хотя страх был, холодный, липкий, где-то под рёбрами. А потому, что внутри этой машины, рядом с ним, я была в безопасности. А за её пределами меня ждала квартира. Пустая. Тихая. С одним лишь Васькой на подоконнике.

— Я провожу, — сказал Кирилл, и это не был вопрос.

Он вышел первым, обошёл машину, открыл мою дверь. Жест старомодный, почти забытый — но в нём не было галантности. Был контроль. Он сканировал двор, подъезд, тени между гаражами. Привычка, вьёвшаяся в кровь. Часть его, которая никогда не отключалась.

— Идём, — сказал он, и я вышла.

Холодный воздух ударил в лицо. Сыростью, прелыми листьями, запахом чужих окон — жареной картошкой, дешёвым освежителем, табачным дымом. Обычные запахи обычного дома. Ничего подозрительного.

Но с каждым шагом к подъезду внутри меня росло смутное, невнятное беспокойство. Не из дара — из тела. Из того, что ниже сознания. Волоски на затылке встали дыбом, как у зверя, чующего хищника.

— Что? — Кирилл почувствовал мгновенно, его шаг замедлился.

— Не знаю, — честно ответила я. — Пока не знаю.

Подъезд встретил нас запахом хлорки и старых труб. Лампочка на первом этаже моргала, отбрасывая длинные, прыгающие тени. Тишина — неживая, настороженная. Неестественная.

Кирилл пропустил меня вперёд, сам остался на шаг позади. Я слышала его дыхание — ровное, спокойное, искусственное. Он не показывал, но я знала — он тоже чувствовал. Не даром. опытом.

Лестничные пролёты тянулись бесконечно. Второй этаж. Площадка. Чужая дверь с выцветшей табличкой, детский велосипед у стены, запах борща и старческой мочи. Всё как всегда.

Третий этаж.

Моя дверь.

Я остановилась.

Не потому, что увидела что-то необычное. Дверь была закрыта. Замок — цел. Ни царапин, ни следов взлома. Васька за ней — наверное, спал на подоконнике, свернувшись калачиком.

Но я не могла сделать шаг.

Ноги приросли к полу. Сердце забилося где-то в горле, тяжёлое, неровное. Я смотрела на дверь — и не видела её. Я чувствовала.

— Дарья? — Кирилл подошёл ближе, встал за левым плечом.

Я молчала. Внутри меня, на границе сознания, пульсировало что-то чужое. Не мысль. Не образ. Отпечаток. Кто-то стоял здесь. Недавно. Не просто стоял — слушал.

— Там... — начала я и замолчала. Слова не складывались.

Я не знала, зачем это делаю. Тело двигалось само — медленно, почти невесомо. Я подошла к двери, прислонилась к ней ухом. Холодное дерево обожгло щёку.

Тишина.

Но не та, которую оставляет пустая квартира. Другая. Плотная. Сдавленная. Как будто за дверью кто-то стоял и задерживал дыхание.

И тогда я её увидела.

Не глазами — кожей, затылком, тем местом, где живёт дар. Картинка. Мутная, нерезкая, как отражение в грязной воде. Женщина. У двери. Стоит так же, как я сейчас — прижавшись ухом. Длинные волосы закрывают лицо. Тонкие кисти. Хрупкие плечи. На запястье — что-то блеснуло. Часы? Браслет? Не разобрала. Она не двигается. Не дышит. Просто слушает.

Меня.

Ждала меня.

Картинка не исчезла. Она наложилась на реальность — прозрачным слоем, призраком. Та женщина. В той же позе. Как моё отражение. Как будто она не ушла. Как будто она всё ещё здесь. И смотрит.

На меня.

Я не могла пошевелиться. Не могла оторвать взгляд от того места, где она стояла. Сознание кричало: «Её нет, это только эхо». Но тело не слушалось.

— Дарья! — Голос Кирилла стал резче. Его рука легла на моё плечо.

Я резко выпрямилась, отшатнулась от двери так, что ударились спиной о его грудь.

— Там кто-то был, — выдохнула я. Голос был чужим, сиплым. — Она стояла здесь. Прислонилась ухом. Слушала.

— Она? — Кирилл не отводил взгляда от двери. Его рука уже лежала на кобуре — привычное, отточенное движение.

— Женщина, — сказала я. — Я не видела лица. Но... она копировала меня.

— Что значит — копировала?

Я запнулась. Как объяснить то, что не укладывается в логику?

— Она стояла так же, как я сейчас. Ухом к двери. Та же поза. Будто... она знала, что я это сделаю. Или...

Я замолчала. Мысль была слишком страшной, чтобы произносить её вслух.

— Или?

Я посмотрела на Кирилла. В темноте подъезда его лицо было бледным, жёстким. Ждал.

— Она хотела, чтобы я её увидела, — сказала я. — Хотела оставить след. Чтобы я знала — она была здесь.

Кирилл резко развернулся, жестом приказывая мне оставаться на месте, и быстрым, бесшумным шагом прошёл к лестнице на четвёртый этаж. Проверил пролёт выше. Вернулся. Обошёл площадку, заглянул за лифт, за мусоропровод. Никого.

— Чисто, — сказал он, возвращаясь. — Но здесь будем проверять камеры. Если они есть.

Я кивнула. Он достал ключи, открыл дверь.

— Заходи, — сказал он. — Быстро.

Я перешагнула порог. Квартира встретила меня темнотой, запахом Васькиного корма и — ничем. Призрачная женщина исчезла, как только я переступила порог. Только остался осадок — холодный, липкий, чужой.

Кирилл закрыл дверь, запер на все замки, проверил окна. Потом подошёл ко мне, взял за плечи.

— Смотри на меня, — приказал он.

Я подняла глаза.

— Ты в безопасности. Ты дома. Замки закрыты. Я здесь.

— Я знаю, — прошептала я. — Но... она была здесь. Она стояла так же, как я. Прислонилась ухом. И слушала.

— Может, она слушала, дома ли ты? Или... есть ли кто-то ещё.

— Она хотела, чтобы я знала, — сказала я. — Хотела оставить след.

Кирилл молчал. Его большие пальцы чуть сильнее сжали мои плечи.

— Ты уверена, что это была женщина?

Я закрыла глаза, вновь вызывая ту мутную картинку. Длинные волосы, закрывающие лицо. Хрупкие плечи. Тонкие кисти. Тишина.

— Да, — сказала я. — Женщина.

— Та, кто убил Туманова?

— Не знаю. — Я открыла глаза. — Но она знает меня. И она хочет, чтобы я это знала.

Кирилл резко выдохнул — не облегчённо, а скорее сбрасывая напряжение. Потом кивнул, отпустил меня и достал телефон.

— Громов, — сказал он в трубку, не тратя времени на приветствия. — Камеры на доме Сергеевой. Нужны записи за последние двенадцать часов. К утру.

Я слышала голос Громова на том конце — удивлённый, сонный, но быстро становящийся деловым.

— И, Громов, — добавил Кирилл, — на квартиру Сергеевой — сигнализацию. Сегодня же.

Он отключился, убрал телефон в карман, повернулся ко мне.

Всё. Теперь я в безопасности. Сигнализация, камеры, замки. И Кирилл — здесь, в прихожей, смотрит на меня так, будто я — самая хрупкая и самая ценная вещь в его жизни. Хотя он никогда этого не скажет.

— Спасибо, — сказала я.

Он кивнул. Не ответил «не за что». Просто кивнул.

А потом я подумала о Громе.

Просто подумала — без желания, без страха, без цели. Как думают о человеке, который стал частью твоей жизни. Который всегда рядом...

Я не закончила мысль.

Потому что мир дрогнул.

Не звук. Не боль. Картинка — вспышка, ослепительная, живая, абсолютно реальная на грани моего зрения.

Чужие пальцы. Длинные, с аккуратным розовым маникюром — лаком цвета свежей клубники. Лампа — тёплая, золотистая. Шторы задёрнуты. Простыня сбита. И грудь — широкая, мужская, с тёмными волосками по центру. Родинка у ключицы — такая же, как у Громова.

Его грудь. Я узнала.

Ладонь с розовыми ногтями легла на неё — не тяжело, почти невесомо. Пальцы чуть сжались, будто боялись, что он уйдёт. Может, боялась. Может, просто держала.

Я не хотела этого видеть. Но, кажется, дар решил, что если я могу слышать эхо смерти, то смогу уловить и отзвук жизни. Особенно яркий. Особенно... тёплый.

— Дарья! — Кирилл мгновенно оказался рядом, схватил за плечи.

— Всё в порядке, — сказала я, но голос дрожал. — Я просто...

— Что ты увидела? — Он смотрел пристально, сканируя лицо. — Угроза?

— Нет. — Я подняла на него глаза, чувствуя, как щёки заливают предательским жаром. — Не угроза.

Он ждал.

Я отвела взгляд. В горле пересохло. Слова не хотели выходить — слишком нелепые, слишком личные, слишком... чужое.

— Громов, — выдохнула я, наконец, глядя куда-то в стену за его плечом.

— Что — Громов? — Кирилл нахмурился.

Я закусила губу. Сказать? Не сказать? Он всё равно не отстанет, пока не узнает. И потом — это же не моя тайна. Это... эхо. Которое я не звала.

— Я его... я увидела Громова, — слова вылетали сбивчиво, быстро, как будто я пыталась выплюнуть их, чтобы они не жгли язык. — Не угрозу. Не опасность. Я просто подумала о нём. И вдруг...

Я замолчала, сжав пальцы в кулаки.

— И вдруг? — голос Кирилла был ровным, но я чувствовала — он уже сопоставляет.

— Картинка, — выдавила я. — Он не один. С женщиной. Блондинка, кажется. Лица не видела. Только...

Кирилл замер. Его челюсть сжалась — микроскопическое движение, которое я заметила только потому, что слишком хорошо изучила его лицо. Но он быстро взял себя в руки. Спросил — и в голосе не было ничего, кроме спокойного, делового интереса:

— Что — только?

— Руку, — закончила я, краснея ещё сильнее. — На его груди. С розовым маникюром. Очень ярким.

Тишина. Глубокая, плотная. Я не смотрела на Кирилла — пялилась в пол, чувствуя, как горят щёки, уши, шея. Мне было стыдно. Не за Громова — за себя. За то, что влезла туда, куда меня не звали. За то, что мой дар теперь не разбирает, где эхо смерти, а где чужая спальня.

— Ты уверена, что это был Громов? — спросил он, наконец.

— Родинка у ключицы, — сказала я в пол. — У него такая. Я видела — он расстёгивал ворот, когда было жарко. И грудь... ну, я запомнила.

— Ты запомнила грудь Громова, — повторил Кирилл. Без интонации.

Я подняла голову, готовая оправдываться, объяснять, что это не то, что он думает... Но в его глазах не было ни ревности, ни осуждения. Только усталое, почти удивлённое понимание.

— Это не я запомнила! — выпалила я. — Это эхо! Я просто подумала о нём! И оно...

— И оно ответило, — закончил Кирилл.

Я кивнула.

Он наклонился, взял мою руку — холодную, — и сжал.

— Дарья. Ты подумала о человеке — и твой дар показал тебе его... личную жизнь?

— Я не хотела, — прошептала я. — Я просто подумала. Он всегда рядом, надёжный, спокойный. Я подумала о нём как о... части нашей команды. А дар...

— А дар показал то, что он чувствует, когда остаётся один, — закончил Кирилл.

— Да. — Голос был чужим, сиплым.

Кирилл молчал. Его большой палец водил по тыльной стороне моей ладони — успокаивающий жест, который он, кажется, сам не замечал.

— Это новое, — сказал он. — Раньше ты чувствовала только эхо смерти. Сильную боль. Страх. А теперь — мысли. Чувства. Бытовые. Интимные.

— Я знаю, — прошептала я. — Это страшно.

Он не спорил. Не утешал. Просто стоял рядом, держал мою руку, и его тишина обволакивала меня, как одеяло — не спасая, но давая время отдышаться.

— Это не значит, что ты стала другим человеком, — наконец сказал он. — Это значит, что твой дар эволюционировал. Расширил спектр.

— И что теперь? Я буду случайно видеть чужие спальни каждый раз, когда подумаю о ком-то?

— Не знаю. — Он посмотрел на меня. — Но теперь ты знаешь, что это возможно. И сможешь контролировать.

Контролировать. Смешно. Я не контролировала даже собственные мысли — они прыгали, как блохи, цепляясь за Громова, за розовый маникюр, за то, как ее ладонь лежала на его груди. Не хотела этого видеть. Не хотела знать. Но знала.

И от этого знания было тошно.

— Я пойду, покормлю кота, — сказала я, высвобождая руку.

Кирилл кивнул, не удерживая.

Я прошла на кухню. Васька сидел на подоконнике и смотрел на меня жёлтыми, недоверчивыми глазами. Не требовал еды — изучал. Как будто знал, что со мной что-то не так. Или — что я теперь не та.

— Иди, давай, — сказала я, открывая банку с паштетом. — Ешь.

Он спрыгнул, потёрся о мои ноги, принялся за еду. Я стояла, смотрела на его рыжую спину, и думала.

О том, что дар больше не спрашивает разрешения. Он берёт. Всё, до чего может дотянуться. Смерть, боль, страх — и теперь ещё радость, нежность, простые человеческие «я тебя хочу».

Где граница? Где заканчивается эхо и начинается чужая жизнь, в которую я не имею права заглядывать?

Я не знала.

Кирилл вошёл на кухню, сел на стул у стола, вытянув ноги. Усталый, напряжённый, но здесь — в моей квартире, с моим котом, с моим хаосом — он казался почти домашним. Почти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.